

EX LIBRIS

© 1999

Букалов А. В., Карпенко О. Б.

КОММЕНТАРИИ К РАБОТЕ К. ЯРОША
«ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ.
ИОАНН ГРОЗНЫЙ И ПЕТР ВЕЛИКИЙ»

Проф. К. Ярошъ.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ.
ИОАННЪ ГРОЗНЫЙ и ПЕТРЪ ВЕЛИКИЙ.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Адольфа Дарре, Московская ул., № 19.
1898.

Ярош К.
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ.
ИОАНН ГРОЗНЫЙ И ПЕТР ВЕЛИКИЙ

(Окончание. Начало в №№ 1–3, 1999)

Смешивая, таким образом, Аполлона с Гефестом, Петр заботился о распространении в России практически полезного знания. Но культивирование образования посредством прикладных наук есть то же, что насаждение растений ветвями в землю. Само собою разумеется, что неудобства этого метода должны были сказаться на судьбах будущего. Затем, считая знание лишь слугой общественно-государственных нужд, реформатор сгонял людей в науку силой и учреждал суровые учебно-рекрутские наборы. Духовный регламент внушал просветителям народа держать учеников насильно, не поддаваясь обманам, ибо «некоторые притворяют себе глупость, желая отпуску в дом, как-то другие притворяют телесную немощь для солдательства». К мерам насилия присоединялись меры

искусственной приманки: «человека от академии свидетельствованного на степень духовных и гражданских чести не может упредить неученый».

Оглядывая эти различные (столь знакомые нам поныне) петли уловления людей в науку, можно подумать, что Петр Великий был весьма нелестного мнения о русском человеке. Берхгольц действительно передает слова, будто бы сказанные Петром о своих подданных: они прежде весьма мало были знакомы с наукой, с храбростью, верностью и честью, но царь приказал однажды при штурме Нетебурга повесить несколько человек, хотевших бежать, и с тех пор русские люди стали мужественны и верны. Мы отказываемся признать достоверным это свидетельство простоватого иностранца, но вот изречение, принадлежащее Петру, несомненно: «Наш народ — яко дети, которыя никогда за азбуку не примутся, когда от мастера не приневолены бывают». Эта несчастная идея придала деятельности преобразователя тенденцию, о которой так искренно печалился Карамзин, говоря: «Презрение к самому себе располагают ли человека и гражданина к великим делам?... Честью и достоинством россиян сделалось подражание». Карамзин чувствовал, что приведенная фраза Петра грозит русскому духу опасностью обратиться в эолову арфу, открытую всем четырем ветрам. Карамзин боялся засорения русской жизни таким же сором чуждых примесей, каким испорчена была с первых времен реформы русская речь¹. Принижение народа, пережившего ряд веков почтенной истории, до степени малоосмысленного ребенка развязало руки всяким непризванным «мастерам», которые с высоты своего вершкового

¹ Всем известен чудовищный приток варваризмов в русском языке эпохи преобразования. Приведем для примера первую попавшуюся фразу из дипломатического донесения Куракина: «Желюзия не убавляется от многих потенций, но что могут делать? Токмо пациенцию иметь».

знакомства с западным просвещением, стали считать себя авторитетными наставниками и полными хозяевами в области духовной жизни народа. Поныне эти «мастера» совершают свои подвиги, то возбуждая в беспристрастном наблюдателе смех, то причиняя ему скорбь и отвращение.

Комментарий: нелестное мнение о русском народе: «яко дети» — оценка дуальной ментальности русского этноса ($\Delta \blacksquare^*$ (ИЭИ^{*})), который управляем по волевой сенсорике $\bullet_5$ и логике $\square_6$ — ведущим функциям типа $\bullet \square$ (СЛЭ).

Петр положил себе целью поднять нравственный уровень народа, освежить душную атмосферу моральной жизни русского общества. Для осуществления этой задачи он смело рукой распахивал все двери, прорубал окна и устраивал вихрь вентиляции; он изгонял старые обычаи угрозой своего гнева и осрамительных казней; он приказывал составлять нравоучительные книжки («сочинить три книжицы небольшие»). Отдавая дань уважения намерениям реформатора, мы не можем, однако же, не видеть, что насаждение морали «краткими книжками» напоминает детский сад из воткнувших веток, а вентиляция и гонение обычаев относятся к числу средств чисто внешнего характера. В глубине дела, в первой основе морального человеческого благоустройства лежат два условия: умение уважать человеческое достоинство в каждом своем ближнем и умение владеть своими страстями, чтобы не быть рабом своей плоти. Только эти два великие умения сообщают людям и обществу свойства нравственного благообразия. Но Петр, герой внешней техники жизни, пренебрег этой внутреннею областью. По крайней мере, из фактов не видно, чтобы он придавал, во-первых, надлежащее значение уважению человека в человеке. Обращаясь к биографическим данным, мы находим скорее нечто обратное. Так, в одном заграничном письме императора к архангельскому вице-губернатору мы читаем: «Сыскать двух молодых ребят самоедов подурнее и посмешнее рожей, их надо послать в презент грандюку Флоренскому». Описывая возвращение царя из первого путешествия, Корб говорил, что на празднествах в Москве шло стрижение бород, «под страхом получить несколько пощечин». У того же Корба читаем, что царь однажды, на ассамблее, быв милостив со всеми, «увидел, что Алексашка (Меньшиков) пляшет при сабле и напомнил ему пощечиной, что с саблями не пляшут, от чего у того сильно брызнула кровь из носа». В том же дневнике записано об одном пире: «Не знаю, какой вихрь расстроил веселость до того, что его царское величество, схватив генерала Лефорту, бросил его на землю и попраля ногами». А о другом празднике: «Шамберс, по царскому повелению, схватил Головина и крепко держал, а царь в это время наполнял ноздри и рот последнего салатом и уксусом (к которому тот чувствовал природное отвращение); наконец, Головин закашлялся так, что у него бросилась из носа кровь». Таких мелких, но выразительных фактов рассказано множество в свидетельствах современников, в автобиографии Куракина, в дневнике Берхгольца и т. д.

В последнем рассказывается, между прочим, о том, что царь велел прибить оленьи рога к дому одного придворного, верность жены которого была сомнительна. Знаменитые петровские маскарады также не стеснялись личным достоинством участников, иногда весьма заслуженных сановников. Один из таковых запрягся однажды рядиться чертом и мазаться сажей; за это он был раздет донага и преобразен в демона на льду Невы; последствием явилась простуда и смерть. Невольно вспоминается давнее событие с Репниным, который сбросил с себя маску, надетую на него в шутку Иоанном Грозным, и крикнул вне себя от гнева: «Чтоб я, боярин, стал так бесчинствовать!»... Правда, через два дня его убили, но все же общий колорит картины здесь вполне иной.

Наряду с отсутствием уважения к человеческой личности, мы видим отсутствие в петровское время стремлений ввести дисциплину в нравственный строй человеческого сердца. Напротив, устранение старых обычаев, сдержек и барьеров как бы расчищало простор для своеволия плоти. Немецкая слобода и иные очаги иноземной вольницы и авантюры явились рассадниками вкусов к свободе общения полов и к легкому порханию среди цветов удовольствия. Старорусская порочность также приободрилась, почувствовав над собою облегчение гнета постов,

поклонов, бдений и прочих орудий старомодной, аскетико-монашеской педагоги. В обществе пробежал приятный электрический ток иного жизневоззрения, слагавшегося в формулу «удовлетворения естественных человеческих потребностей». В воздухе разлился аромат карнавала, и широкая попойка, пьянство до полусмерти и даже до смерти водворилось в нашем обиходе. Чтобы видеть гомерические размеры питья того времени, достаточно прочитать записки Берхгольца, книга которого вся насквозь сочится вином, как хорошо налитая губка.

Продолжая наш быстрый перечень неизбежных последствий ультрапрактичности духовного склада Петра Великого, мы остановимся на общем духе его политических стремлений. Вне всякого сомнения, преобразователь хотел реорганизовать русские государственные порядки, внести сюда отчетливость функционирования властей, оживить народный политический смысл и создать в России бодрый дух гражданственности. Но, как энергичный техник, Петр полагал возможным достигнуть всего этого перестройкой учреждений, строгостью законов и обильным дождем регламентов, указов и распоряжений. Игнорируя медленный путь взрождения политических добродетелей из лона устойчиво развивающихся исторических традиций, Петр не всегда держался должной меры осторожности, чтобы не вносить в среду народного сознания нежелательного недоумения. В быстроте своего движения он иногда внушал народу, с законодательных скрижалей, идеи западных «пуффендорфиев» и иностранной теории, ничего не имеющей общего с русской политической сущностью. С другой стороны, в горячке строительства он часто заслонял государство своею собственною архитекторскою личностью, своею собственною личной волей, мыслью, мечтой, даже прихотью, что также не гармонировало с духом русских государственных понятий. Если на Западе считалось возможным полагать в основу государства принцип «sic volo, sic jubeo», если там находили возможность отделять совершенно право от морали, смотреть на государство как на средство «сделать ненужною совесть» и строить политическое здание на одном чувстве страха пред наказанием, то русские взгляды были значительно иные. Согласно этим взглядам, закон и правосудие никогда не сводились до значения орудия политических целей, а понятие о преступлении не отождествлялось с понятием о запрещенном действии. У нас (как справедливо замечает г. Филиппов, Юрид. Вестн., 1890, V) преступником считался только тот, кто совершал «дурное дело, забыв страх Божий и христианский закон и презрев царское веление».

Комментарий: Стремление достичь «всего и сразу», объем указов и регламентаций указывает как на признак «левые» (им свойственно стремление сделать как можно быстрее, скачком), так и на принадлежность ко второй квадре, стремящейся регламентировать любые действия. Поощрение шпионства и доноительства, расцвет тайной канцелярии — предтечи ВЧК-ГПУ-НКВД-КГБ — как «подсистемы страха» (□●), создаваемой в любой второквдровой государственной структуре.

Петру желалось, чтоб его подданные прониклись уважением к закону и его исполнителям, но подданные видели, что многие из этих исполнителей, заменяя добросовестное служение делу рвением угодить воле царя, позволяли себе вопиющий произвол, совершали многие неправды и ненасытно расхватывали деревни с «православными душами». Вместе с тем народ часто созерцал государственных людей, всех этих сенаторов и членов коллегий, одетыми в угоду царской потехе в шутовские костюмы, в которых они являлись даже на службу, судили тяжбы и вершили дела управления... Петру хотелось воспитать в России смелое, благородное гражданское чувство, которое побуждало бы подданных трудиться верой и правдой на пользу отечества, но он не остерегся развить в стране небывалое шпионство. Из конца в конец государства зазмеилось предательство и закипела злоба извета, ибо шпионство, излюбленное оружие мести и человеконенавистничества, поощрялось и за доносы «всякого чина людям давано было награждение не малое, со всяким удовольствием, с повышением в чинах». Самые отдаленные окраины России огласились криком «слово и дело»; в ответ на этот крик посылались

болезненные стоны, которые проносились по всей территории страны и концентрировались в застенках Тайной Канцелярии, обращаясь тут в вопли нестерпимого страдания. Конечно, эта музыка была весьма плохой колыбельной песней для воспитания гражданских доблестей. Преобразователь надеялся ускорить дело обновления страны беспощадным подавлением неразумного недовольства, но излишняя простота его взгляда на жизнь и на людей помешала ему заметить, что среди многосложности психического и социального мира отнюдь не всегда кратчайшие дороги суть лучшие пути.

В заключение обратимся к группе факторов, которые мало останавливали на себе внимание историков, но, тем не менее, представляют собою чрезвычайно яркое выражение рассматриваемой односторонности духовного склада реформатора. Мы говорим о продуктах «юмора» Петра и, главным образом, об учреждении, носившем название «всеппянейшего собора».

V

Старорусская жизнь, как известно, была проникнута стойкою, живою и деятельною религиозностью. Но по слабости человеческой эта религиозность не была чужда кое-где недостатков. Мы подразумеваем проявления ханжества, которому принадлежит одно из первых мест в среде человеческих пороков. Ханжество или пустосвятство грязнит и опустошает святую святых нашей души. Оно истребляет великое внутреннее содержание благочестия, оставляя одну лишь внешнюю его оболочку. Под эту опустошенную оболочку немедленно заползают низменные побуждения, позорные страсти и начинают здесь на просторе клубиться, множиться и развиваться. Самую закоренелую злобу можно заставить оглянуться с грустью, хотя на минуту, на светлые выси забытого добра и вздохнуть об утраченном богоподобии. Но пустосвят остается глух ко всем словам и вразумлениям. Утопая в моральной грязи, он сохраняет самодовольство спокойной совести. Он сделал все, что требуется, он молился, постился, подавал милостыню; он заранее расплатился за свои грехи и внес солидный задаток за приличное место в царстве небесном. Далекий от всякого критического к себе отношения, он сам охотно и смело выступает в роли обличителя чужого неверия, в роли карателя чужого нечестия. Душа ханжи — безнадежно мертвый нравственный труп, способный только заражать среду, которая его окружает. Зоркий взгляд Петра уловил эти печальные свойства ханжества. Он справедливо говорил и повторял, что в этом пороке гнездятся все грехи, что в ханжестве скопляются все преступления, «прикрытые кожей агнца». Петра возмущали проявления в народе внешней религиозности, которую он изображал в таких чертах: «О вере и любви мало знают, а о надежде и не слыхали, понеже всю ее кладут на пение церковное, пост и поклоны и прочее тому подобное, как-то: строение церквей, свечи и ладан». Ссылаясь на веление Спасителя: «блюдитесь от кваса фарисейского, еже есть лицемерие», преобразователь воздвиг гонение на пустосвятство с тою же энергией, с какою он постоянно преследовал излишние и неправильные притязания лиц духовного чина.

Конечно, говоря вообще, пастыри русской церкви в противоположность западному духовенству, не были обуреваемы властолюбивыми вожделениями. Содействуя росту русского самодержавия, они не старались обратить его в пьедестал своего личного возвышения. «У нас не было» (цитируем слова архиепископа Амвросия Церковн. Вед. 91 г., 6), — «папы в смысле наместника Христова на земле, непогрешимого главы церкви, одним словом отвергающего двери рая, верховного законодателя и властителя над душами человеческими и над царствами земными; у нас не было «директоров совести», как в римском духовенстве порабошавших себе умы и воли верующих в своих личных видах, нравственных и политических». Пастыри нашей церкви совершали в общественно-государственной жизни страны то же дело, какое делают религия и совесть в жизни благочестивого человека. Этот человек занимается своими разнообразными житейскими делами совершенно свободно; он возделывает землю или торгует, он учится или служит, он рассчитывает, соображает и подыскивает средства для тех или иных своих целей. Но все это он делает при свете своей религиозности, при постоянном ее контроле, который в случае отклонения человека от правого пути восстает неподкупным укором совести. Русское духовенство полагало своим назначением олицетворять собою совесть государства. Оно понимало, что

непосредственное погрязание в сутолоку жизни потемняет чистоту его великого служения. Духовное лицо, держась благоговейно креста, сохраняет высокое назначение учителя добродетели и стража благочестия, тогда как, оставляя крест, оно становится простым обыкновенным человеком, простым обывателем, лишь эксплуатирующим рясу. Пастыри русской церкви стояли на высоте своего долга; они не пытались захватывать оружие из чужого арсенала, не спускались до того, чтобы вбивать свои поучения молотом грубого насилия. Они не втуне носили наименование святителей: от них действительно струился свет благочестия и святости, благородного тождества слова и дела. И эта именно неразрывность в них святого слова и святого примера побеждала им сердца и делала их истинными просветителями народа.

Но если таков был характер русского духовенства вообще, то нельзя, однако же, отрицать, что бывали в этой деятельности и отступления в другую сторону. История занесла на свои страницы прорывавшиеся в жизни взгляды, которые формулировались в такие тезисы: «Патриарх есть второй царь, первого царя больший», или «Бог, когда сотворил небо и землю, тогда повелел светить двум светилам — солнцу и луне, и через них показал нам власть архиерейскую и царскую». Бывали и указания относительно оправдания целью средств и дозволенности в политическом обиходе «богопремудростного коварства». (Ср. проф. Иконникова: Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории; г. Дьяконова Власть Московских государей). Но все такие идеи, бывшие — повторяем — лишь случайною примесью в нашей жизни, совершенно не ладили с утвердившимся народным сознанием. Выражая это сознание, Иоанн Грозный категорически говорил: «Нет царства, которое не разорилось бы, будучи в обладании клириков». В том же смысле высказывалась и вся наиболее популярная литература тех времен. Например, в апокрифическом памятнике XVI века (Беседа преподобных Сергия и Германа Валаамских чудотворцев, изд. 1890 г.) мы читаем: «Не иноческим воеводством, ниже их храбростью грады крепятся и мир строится, но их постом и молитвою и непрестанными слезами. Не с иноки Господь повелел царям царства и грады и волости держати и власть имети: инокам повелел Господь за царя и великих князей, в смиренном образе, Бога молити». В таком же духе были предприняты меры Петра Великого, чтобы предупреждать проявления притязаний, по существу чуждых исторической роли русского духовенства. Раздраженный близостью некоторых лиц духовного звания к Алексею Петровичу, Петр восклицал во время процесса цесаревича: «Ой, бородачи! Многому злу корень старцы и попы! Отец мой имел дело с одним бородачом, а я с тысячами. Не будут они летать, скоро, скоро!» В Духовном регламенте, действительно, выступило энергическое стремление поставить барьер «папистическим» проявлениям. Рассказывая о папских притязаниях, регламент прибавляет: «Да не вспомнаться подобные и у нас бывшие замахы». И вот, в отвращение таких «замахов», регламент выдвигает радикальные меры и длинный ряд установлений, иногда даже излишне мелочных и ревнивых: «Чтоб епископов под руки не вожено и в землю бы оным подручная братия не кланялась», «чтоб епископам воздавалась умеренная честь, а лишняя и почитай равно царская да не будет» и т.д. Если верить иностранцам, Петр придавал особенное значение своим мероприятиям по этому вопросу. Так, однажды, в ответ на сравнение его с Людовиком XIV, он сказал (см. *Mémoires du sieur de Villebois*): «Ce parallèle n'est pas juste. Louis XIV a été plus grand que moy en bien des occasions, mais ce que j'ay fait le plus que luy, et ce en qoiy je luy ay été fort supérieur, c'est que j'ay réduit mon clergé à la paix et à l'obéissance, tandis qu'il s'ast laissé dominer par le sien».

Борясь с наблюдаемыми в народной жизни проявлениями суеверия и ханжества, излечивая притворных кликуш нещадными плетями, вырезывая «гангрену» мнимого, тунеядствующего монашества и отвращая «папистические замахы» обращением духовной власти в духовное ведомство (мы не останавливаемся на рассмотрении всех этих мер), Петр Великий воспользовался для истребления ненавистных ему зол еще одним средством: он направил против них оружие иронии, насмешки. С практической точки зрения нельзя не признать, что преобразователь употребил весьма действенное и сильное средство. Тонкое жало иронии, на самом деле, может производить огромное действие; это поистине тот ничтожный комар, который способен оставаться победителем в борьбе с могучим львом. Именно насмешка явилась, например,

всесокрушающим авангардом западноевропейской эпохи Возрождения. История шла тогда еще долго старым путем; важные и серьезные факты торжественно следовали друг за другом в прежних формах, но в это же время снизу, из лона обыденного общежития, поднималась новая оценка этих фактов; здесь сатира открывала на всеобщую потеху мелкое в важном и забавное в серьезном. Дело, начатое громким смехом трубадуров и аллегорическими карикатурами басен о *Лисе*, завершилось академически тонкою сатирой *Похвалы глупости* Эразма и грубым солдатским сарказмом *Писем темных людей*.

К сожалению, ирония Петра простиралась слишком далеко. Предавая посмеянию старинные предрассудки, он заставлял шутов проделывать внешние приемы этих предрассудков. Но, к сожалению, смех не удержался в должных границах. Бесчисленные свидетельства описывают нам шутовские свадьбы, с исполнением всех обрядов, причем в церкви слышались шутки и раздавался общий хохот. На похоронах карликов устраивали комедии: маленькие люди окружали гроб, маленькие лошади везли колесницу, и процессию сопровождал «маленький попик»... Еще рельефнее выступало то, о чем мы говорим, в учреждении, известном под названием «всепьянейший собор». Петр всю жизнь интересовался этим учреждением, постоянно работал над его уставом, сам сочинял его обряды и собственноручно писал инструкции. Еще в начале своего царствования, до Азовских походов, он возвел своего бывшего воспитателя, склонного к спиртным напиткам, старика Зотова, в сан князя-папы. Этому сановника окружали кардиналы, в которые Петр определял людей по разным соображениям: то по известной неводержанности их жизни, то по их приверженности к старине и проч. В числе кардиналов пребывали представители самых древних и знаменитых русских фамилий. Все эти лица были облечены в соответственные костюмы и обязаны непросыпной попойкой поддерживать свое достоинство. Они были непременными участниками всех празднеств, публичных шутовских процессий и пиров, откуда их развозили замертво по домам, причем, как говорит, Вилльбоа, «l'on se servit d'yswotchiques sur les quels on les jeta comme l'on auroit chargé des bêtes mortes». Шельмованию этой компании не было границ. Берхгольц подробно описывает, например, как переправлялись однажды кардиналы через Неву на бочках, «один за другим, как гуси», а впереди них плыл князь-папа в котле с пивом. Мало-помалу, выработался полный «чин избрания» папы. Акту избрания предшествовала процессия по главным улицам города; здесь шли певчие, нищая братия, шутовские диаконы, попы, архимандриты и, наконец, Бахус, «несомый монахами великой обители».

Эта выходящая из берегов насмешка не ограничивалась, к тому же, чуждым для нас папством и далеким от нас Римом. Она принимала очень часто местный колорит. Князь-папа отождествлялся с патриархом, в окружавшей его шутовской иерархии главные лица назывались «владыками» различных городов, а сам Петр занимал здесь место «протодиакона». Никита Зотов в письмах называл себя «всесвятейшим» и подписывался: «благословение вам преподаю Smirenii Anikit». Другой князь-папа, Петр Бутурлин, оканчивал свои послания подписью: «Митрополит Петро благословение посылаю». В его переписке попадаются шутки, вроде следующей: «Преосвященный Петро Карчага провинился... ежели паки также провинится, то отдаст он в послушение, на несколько времени, во всякую волю жену свою Аксинью Михайловну»... Таким образом, священные звания, пользовавшиеся на Руси благоговейным уважением в течение веков, профанировались безо всякой сдержки вместе с религиозными обычаями и церковными обрядами. Умышленно распространяемые повсюду картины с изображениями неопрятной компании «всепьянейшего собора», в церковных одеяниях, разносили в народе душевную отраву. Наивный панегирист Петра, курский купец Голиков, описывая свадьбу «патриарха» Зотова, с сопровождавшим ее шутовством и с совершением обряда венчания жалкого старика «соответственным случаю» девяностолетним священником, замечает с особенным ударением, что присутствовавший народ «только уважавший достоинство патриарха, в сии дни с великим смехом забавлялся на счет онаго». И, действительно, едва ли можно представить себе картину более поучительную, чем это зрелище густых толп черни, разражавшейся криками: «Патриарх женился! Да здравствует патриарх с патриаршей!»... Так далеко шла ирония Петра.

Комментарий: конфликт с религиозными обычаями — это конфликт ●□-установки с □▲-установкой русской православной церкви. В свое время Н. Бердяев проводил параллель между «всепьянейшим собором» Петра I и действиями большевистского «общества безбожников». Не случайно духовенство видело в сыне Петра I — Алексее (□▲) свою будущую опору. Таким образом, будучи дуалом ментальности российского этноса, Петр I был конфликтен по отношению к православным религиозным установкам, что и породило двойственность оценок его личности и деятельности.

Историк Соловьев пытался отрицать какую-либо заднюю мысль в учреждении «всепьянейшего собора». Это была, говорит он, простая игра; если же считать «собор» орудием насмешки, направленной против сана патриарха и т.д., то нужно было бы прийти к заключению, что Петр хотел посмеяться и над царской властью, ибо в параллель с князем-папой существовал и князь-кесарь. С этим доводом нельзя согласиться. Вспоминая карикатурные атрибуты сана князя-кесаря, вспоминая о том, как жена князя-кесаря постоянно играла на пирах роль древнерусской царицы, в старинном костюме, и принимала с важностью все почести, к великой потехе над стариной, вспоминая, наконец, как в маскарадах возили на ручных медведях людей, одетых в платья прежних бояр, и т.д., — мы видим во всех этих фактах решительность человека, пред всеупрощающим взором которого рисовалось государство, очищенное от всяких «ненужных» исторических традиций и обращенное в корабль, где энергетический шкипер, с голландской трубкой в зубах, направляет курс прямолинейно к намеченной цели среди «пустоты» безбрежного моря. Мы не будем комментировать историческое значение «всепьянейшего собора». Здесь удар, занесенный над болезненными явлениями общежития, пришелся по самому источнику духовной жизни. Вдумчивая мысль каждого зрителя может воссоздать пред собою перспективу последствий такой неосторожности; чуткое ухо каждого наблюдателя может уловить эхо этого удара, перекатившееся из десятилетия в десятилетие, из века в век.

Странно было бы сравнивать учреждения опричины и «всепьянейшего собора» с политической точки зрения. Но эти политически несоизмеримые факты имеют друг с другом общее в том, что опричина явилась типичнейшим созданием непрактического царя, а «всепьянейший собор» — типичнейшим делом ультрапрактического императора. Углубляясь мыслью в существо «собора», мы получаем возможность наилучшим образом постигнуть то гнетущее, жуткое ощущение душевной тоски, которою отозвался в народе благонамеренный труд преобразователя и которая характерно выразилась в ответе Кикина Петру. «Почему ты, — спросил Петр у осужденного на смерть Кикина, — был человеком умным, шел против меня?» Кикин отвечал: «Ум любит простор, а от тебя ему тесно». Излишне широкие и смелые тенденции «собора» лучше всего объясняют нам также поразительный факт, что колоссальные усилия великого «работника на троне» сопровождались циркулированием в обществе и в толпе карикатур, подобных картине: «Мыши кота погребают», где пародия на бывшие торжества и шутовская процессия изображает мышей, которые везут «рогожи коту на саван» и хлопочут, «как бы поглубже велеть про кота яму обрыть и поглубже его зарыть». Та же склонность преобразователя срубать деревья, чтобы достать с них плоды, склонность ярко выраженная во «всепьянейшем соборе», дает нам ключ к пониманию послышавшихся после смерти Петра глухих рыданий и ретроспективных сетований: «Учали быть везде противу благочестия беседы, и кто каковое хотел на церковь поношение говорил, и всякое развратное и слабое житие имети учили смело, всякое благочестивое христианское дело единым словом — суеверием называемо было. Кто хотя мало постник или воздержник, то у них зван был раскольщиком, лицемером и ханжей. И весь благочестивый российский народ плачущими очима с болезнью сердца сие видел». Таким образом, народный смысл чувствовал смену старого нравственного, аскетически-монашеского идеала новым европейским принципом «удовлетворения естественных человеческих потребностей», и он скорбел по прежнему идеалу, инстинктивно трепеща в опасении, чтобы не водворилась в жизни эмансипированная плоть.